

Резо Габриадзе:

Чтоб не протухнуть, вода должна двигаться

Кавс. правда. - 1994. - 17 нояб. - с. 8

Если бы он увидел себя со стороны — таким демоническим и таким домашним — простуженный граф Калиостро в телогрейке, пылливо прощающий мундштук, — он бы, может, захотел сделать куклу по своему образу и подобию... Реваз Леванович Габриадзе. Человек, аккумулявавший в себе несколько творческих судеб. Автор тридцати с лишним сценариев фильмов, среди которых «Не горюй», «Чудаки», «Мимино», «Кин-Дза-Дза», «Паспорт»... Создатель знаменитого театра марионеток в Тбилиси с залом на 40 мест. Живописные и скульптурные работы Резо Габриадзе — во многих государственных и частных коллекциях России, США, Германии, Франции, Израила, Японии. С июня 94-го Резо Габриадзе — художественный руководитель Государственного академического Центрального театра кукол имени С. В. Образова.

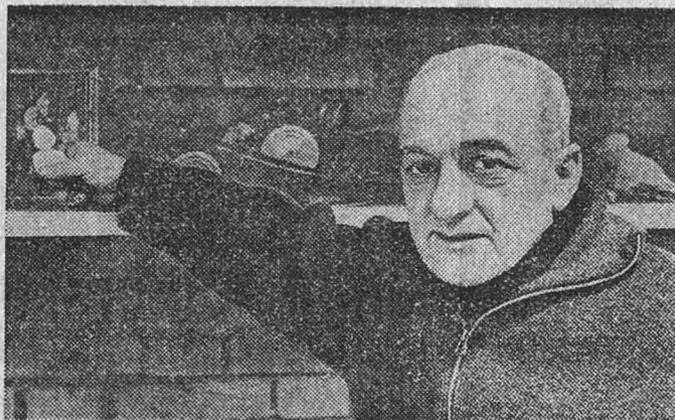
— Я ушел из кино, когда в Гнездиновском переулке (Госкино) любили говорить, что плохое кино смотрят как минимум 19 миллионов, — и пришел к сорока местам. Сейчас я ушел бы даже к трем зрителям — этого для меня достаточно, но случилось так, что я пришел в очень известный театр с огромными традициями, неповторимым лицом, и моя задача теперь: не нарушая экологию, не беспокоя ничего, наметить новые темы... — Вы, как известно, были далеки от эстетики Образова. Как ощущаете себя в новом качестве?

— К простому стулу трудно привыкать — заметили, наверно, да? К новой вещи. Я нахожусь не в своем пространстве — пока. Но я нахожусь в театре. Мне нужно время освоить это пространство. Не надо смотреть на кукольный театр, как на что-то кукольное. Это прежде всего — театр, и надо делать спектакли.

Увы, все, все уходит, забывается... И от Ниневии остались одни холмы. Шлиман еле нашел Трою. Мир многое забыл. Целые цивилизации. Так вот мне свое появление в этом театре хотелось бы начать с того, что всех нас объединяет. Объединяет, мне кажется, наше абсолютно дифференцированное общество — воспоминание. Я не знаю человека, который бы не согласился со мной. Если ему сказать, что вот была большая война, которая за день уносила больше, чем Столетняя война... С большими катастрофами, падением морали, пересмотром всего, что было, родилось в девятнадцатом веке, из которого человек вышел... Вышел под двумя атомными грибами — и я хочу верить, что это конец неолита. Потом был мир — худой не худой, с очередями и без, с прекрасными вечерами в Тоскане, со счастьем, с нашей бедностью, но мир. Сейчас все это потекло. Сейчас на Балканах, в подбрюшье Европы, появилось что-то страшное. Я из Грузии — там страшно. Микроволны вошли в московские подьезды.

Но в пошатнувшемся мире может что-то родиться, что нас объединяет, — это память об ушедших людях. Были люди, которые лежат в Северной Африке, в Сицилии, в Нормандии, в России — а тут так в землю ушли многие народы... И у любого существует это — «давайте поманем». И это одна из причин поставить такой спектакль.

Действие будет происходить в 42-м году, на берегу Волги, Я хочу показать судьбы красивых, еще не познавших жизнь молодых людей, которые все сделали, чтобы был мир. Главный герой у меня — любовь, потому что главная жертва в этой войне — любовь. Я хочу, чтоб люди, посмотрев спектакль, подумали: как плохо, что умирает человек,



что умирает дерево, травинка...

Потом я намереваюсь вернуться к тому, что, на мой взгляд, обязательно должно быть сделано здесь. Это Пушкин. Мы уже с Андреем Георгиевичем Битовым в этом направлении проделали много работы. Хочу найти новый язык для пушкинских вещей — помните, какую «Шинель» сделал Норштейн? Наша совместная с Битовым работа будет условно называться: «Пушкин как он есть».

— А как же ваши марионетки без вас?

— Свой театр в Тбилиси я не брошу. Сейчас там раз в неделю играют старые спектакли. Все это напоминает 46-й год — сцену надо осветить, а электричества нет... Это период такой. Но есть же искусство, оно исключает привязанность к одному месту. И в Москву я не из Тбилиси приехал. Я до этого работал в Швейцарии и Франции.

— Рано или поздно вернетесь в Тбилиси?

— Нет, не вернусь. Я оттуда не уезжал. Я буду и там, и здесь. И еще где-нибудь — есть очень интересные предложения поработать с чешскими кукольниками и, может, со швейцарскими... Вода,

чтоб не протухнуть, должна двигаться.

— Что вы делали во Франции и Швейцарии?

— Работал в обычных театрах, не кукольных. Поставил два спектакля — «Какая грусть. Конец аллеи» и «Кутанси». Не надо все заключать в какие-то формы — все движется при желании. А желание у меня есть — лишь бы не пугали...

— Резо Леванович, что такое для вас кукла?

— То, что для художника — краска, для писателя — слово... Инструмент. Я совсем не думаю о них как о куклах — лишь как о персонажах. Вот в новой вещи, которую я начинаю — условно назовем «Окружение», — куклы будут очень красивые. Я хочу, чтоб о них думали, чтоб им сочувствовали. Такой гений, как Омар Хайям, написал четверостишие, где сравнивает людей с марионетками: когда нам уже приходит конец, он это представляет так, будто небеса рвут нитки и бросают нас в сундук.

О куклах великолепно писал Аристотель, Чарльз Диккенс, Мейерхольд... Есть много разных толкований слова «марионетка». Но мне симпатичней то, которое объясняет их происхождение от

имени святой Марии: когда во время церковных праздников ее, куклу, «оживляли».

— Есть куклы, которые вас пограсли?

— Есть такие великие кукольные державы — Чехия, Германия. Очень красивые куклы в Средней Азии и Белоруссии, на Украине. Настоящие кукольные шедевры в Китае и Полинезии...

— Кукольником может быть не каждый. Что тут главное в характере, наклонностях?

— Он должен быть художником. И в буквальном смысле тоже. Сергей Владимирович Образов, к примеру, был серьезный художник.

— А вы, как художник, где учились?

— У меня действительно серьезное художественное образование, но не академическое, а студийное — западного образца. Я учился в мастерских крупных художников — Такаришвили, Мизандари. Горжусь тем, что тридцать пять моих графических работ, посвященных Пушкину, хранятся в Русском и Пушкинском музеях.

— Вы кто по жизни — оптимист, пессимист?

— Я как все. Пять минут оптимист, пять — пессимист, так и живу. Люди в такой пульсации живут. Стоит вам, допустим, спросить, почему эта спичка лежит так, как я тут же заявляю, что спички вообще не нужны... Смотря кто что раньше сказал. Ужас в том, что политики этим занимаются: сегодня он так сказал, завтра по-другому. Память исчезает за полчаса, отсюда аморальность. Нам уже не приходит в голову спросить — но вы же вчера не так говорили... За свои убеждения, слова никто не отвечает.

— Расскажите о своей семье.

— Мы все никак не можем соединиться. Я в Москве живу в гостинице, сын — в Амери-

ке, он окончил Калифорнийский университет, занимается компьютерной графикой. На днях приезжает, мы его четыре года не видели. Дочь — художник, живет в Тбилиси. Жена — музыкант, недавно приехала ко мне в Москву.

— Резав Леванович, а вы смерти боитесь?

— Кто же ее не боится? — Не знаю, может, люди верующие... Вы верующий человек?

— Трудный вопрос. Я верю, что есть Бог. Это очень личное и не для заявлений в газете.

— Кто из современных деятелей театра вас удивлял в последнее время?

— Додин. Додин — для меня огромный режиссер, целое явление в мировом театре. Петр Фоменко. Еще совсем недавно был Эфрос. А заматанный жизнью Захаров?

— Ваши друзья?

— С Андреем Георгиевичем Битовым дружу уже почти тридцать лет...

— Вы уже никогда не сможете смотреть на мир глазами Мимино?

— Характер остается. Был такой журнал, безутешно-унылый, маленький... «Блокнот агитатора» назывался. Он не годился даже для куколка семечек — порция не уместилась. Только для известного места...

— Не жестоко ли?

— Времена были жестокие. Так вот, каждая статья этого «Блокнота» представляла собой коллаж, и даже в них, в этих коллажах, авторы проявляли свой характер: кто-то делал это ритмично, кто-то спокойно, кто-то робко, кто-то обтекаемо...

В общем-то художник всегда делает одно. Мастерство разное, энергия... Но если Сезанн все время рисует яблоко — пусть он его и рисует! Это — прекрасно.

Гузель АГИШЕВА.
Фото Михаила
ДЖАПАРИДЗЕ.